

Образ Европы в «этнософических портретах» русских философов

Сразу оговорюсь, что, в соответствии с целями одной из секций Бердяевских чтений, направленность моей статьи исключительно ретроспективная. Впрочем, обозревая прошлое, я вижу его в контексте политической повестки дня, помня все время тот список актуальных задач, которые должны решаться нами в приоритетном порядке. А потому рассмотрение прошедших событий предполагает обращение к таким темам, как образ России в представлениях европейских мыслителей; генеалогия русофобской мысли; образ Европы в русской философии во всем ее спектре мнений. Также сразу хочу отметить, что ретроспекция, историко-философские экскурсы – это не форма академического ухода от действительности, от реальных проблем, а возможность поставить вопросы, не всегда, может быть, политкорректные, и посредством прошлого поговорить о настоящем.

Развал СССР дал начало, среди прочего, очередному процессу самоидентификации, первая фаза которого может быть определена как «еврооптимизм». Тогда при попытке культурной самоидентификации россияне предпочитали соотносить себя с европейским сообществом, считая себя его естественной частью, и свое будущее связывали по преимуществу с Европой, положительно воспринимая намерения правительства интегрироваться с ней, не считая геополитической утопией строительство «Большой Европы» в форме ассоциации двух равноправных партнеров – Евросоюза и сообщества исторически связанных с Россией государств на востоке континента. Образ Европы является для россиян чрезвычайно привлекательным, а уровень симпатий к ведущим европейским странам намного превышает соответствующий показатель стран Азии. Европа видится оплотом стабильности, материального благополучия, комфортного существования, уважения прав человека. Вскоре в полной мере проявил себя и «евроскептицизм», обусловленный вооруженной акцией НАТО в бывшей Югославии, планами размещения американской ПРО в Польше и Чехии, позицией ведущих европейских государств по поводу действий России, последовавших за нападением Грузии на Цхинвал. Действия НАТО показали, что правительства ведущих европейских стран придерживаются политики двойных стандартов и готовы навязывать свою точку зрения силой, не считаясь с жертвами среди гражданских лиц. Зрелище пылающего Белграда излечило россиян от многих иллюзий, как когда-то пожар Москвы, куда Наполеон привел войска просвещенной Европы, и в свете тех событий пришло осознание, что Европа является окраинной частью той евроатлантической цивилизации, центр которой находится в США.

Ванчугов Василий Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора портала «Русская idea».
E-mail: vanchugov@gmail.com

В итоге поиски идентичности в сложной геополитической обстановке привели к усилению евразийской составляющей, а в массовом сознании закрепились две взаимоисключающие модели идентичности. Согласно первой Россия представляет собой естественную часть Европы, и в будущем, так же как в прошлом, где имеется множество соответствующих свидетельств, она будет интегрирована именно в этот регион. Согласно другой модели Россия не является вполне европейской страной, а представляет собой своеобразную цивилизацию, евразийскую, и в дальнейшем центр геополитической активности будет смещаться на Восток, олицетворяемый Китаем. При этом никакой враждебности к Европе россияне не проявляют, сохраняя прежний объем взаимодействия, однако свой «национальный характер» отделяя от европейского типа, уже не проявляя прежнего безудержного стремления быть «такими же как...». И теперь уже культурно-историческая самобытность России, обосновываемая посредством обращения к различным текстам¹, воспринимается не как «проклятие», а как непреходящая ценность. А потому, отдавая должное европейской цивилизованности, россияне усомнились в духовном превосходстве Европы. Впрочем, подобные перемены умонастроения у нас переживало каждое поколение.

В 1839–1840 годах в Казани архимандрит Гавриил (Воскресенский) опубликовал шеститомную «Историю философии», шестая часть которой была посвящена «Русской философии». Особый интерес представляет здесь место, где автор, рассуждая о народах, проявивших себя на ниве философии, дает им «ментальные» характеристики: «Грек есть как бы самая воплощенная изящная людскость. Рим <...> есть эгоизм, изображенный в лицах. Скандинав задумчив, угрюм. Германец – идеалист, чувствителен, неутомим в изысканиях и часто односторонен в построении умственных теорий... Француз любезен, весел, нравен, переимчив, склонен к удовольствиям и поверхностной изящности <...>. Россиянин богобоязлив, до бесконечности привержен к вере, престолу и отечеству, послушен, нерешителен и даже недеятелен там, где подозревает какое-либо зло от поспешности, трудолюбив, хитер, непобедим в терпении, рассудителен. По отношению же к любознанию отличительный характер его мышления есть рационализм, соображаемый с опытом» [7, с. 4–5].

Современному читателю подобные «характеры народов» могут показаться наивными, а то и просто комичными, однако в описываемые времена это было совсем не так, более того, подобные суждения воспринимались как «точные», достаточно обоснованные. Современник архимандрита Гавриила – Магницкий – опубликовал в «Радуге» ряд статей, в которых он выступил против философии и науки без христианских начал (ибо «только одна религия есть аромат, предохраняющий науки от гниения»), и заявил, среди прочего, что есть у философий отличия, обусловленные национальными характерами: «холодно-богохульная в Англии, затейливо-ругательная во Франции, грубо-чувственная в Испании, теософо-иллюминатская в Германии», всегда только тем и занимавшаяся, что «облекала ереси в новые формы». В другом месте, в одном из выпусков журнала «Телескоп», редактор Н.И. Надеждин, ординарный профессор по кафедре словесности Московского университета, поместил статью «Европеизм и народность в отношении к русской словесности». «Посмотрите, – пишет Надеждин, – на жителя седой туманной Британии: он везде один и тот же, везде верен и ровен себе, везде ходит облещенным вулканом (вулканом – В.В.), везде расчетлив до скарденности и своенравен до самозабвения, величайший

¹ Чаще всего, конечно же, к сочинению Н.Я. Данилевского «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому», статье К.Н. Леонтьева «Византизм и славянство», книге Н.А. Бердяева «Русская идея».

эгоист и величайший энтузиаст, в то же время, роскошничает и тяготеет к жизни. Во Франции легкомыслие и суетность, родимые пятна народной физиономии, равно выглядывают из-под мантии, пера и блузы погонщика мулов, равно светятся в лекции Сорбонны и в статье «Фигаро», равно оттеняются в красном колпаке республиканца и на красных каблуках вандетского маркиза. В Германии романтическая мечтательность, невнимание к положительным условиям жизни и страсть к идеализму звучат в стихах Шиллера и в системе Шеллинга, отражаются в пылком бреде молодого студента и в бессмысленной задумчивости честного бюргера, поникшего за кружкой пива, в табачном дыму, над заветным листком «Гамбургского корреспондента». И никто из них не стыдится себя, не гнушается собой... И литературы их в высшей степени самобытны, своеобразны, народны! – Отчего же мы, русские, боимся быть русскими? Отчего нам стыдиться даже наших штей, нашего квасу, когда англичанин с гордостью воспекает свой ростбиф и пудинг, когда немец считает нектаром свое пиво, которое, сказать по совести, нельзя взять в рот православному русскому? Отчего нам не хвалиться своим богатством, драгоценным наследием удалых предков, когда француз не ступит шагу, чтобы не вскричать, оглянувшись во все стороны: «я француз, я родился бравым»» [9, с. 259–260]...

Приведенные выше и многие другие подобные суждения, оставленные мною, за недостатком места, за скобками, показывают нам, что рассуждения о «душе народов», «психологии наций», «характере стран» были распространенными и типичными среди пишущих в то время, причем, на самые разные темы. Для них вполне естественным казалось убеждение, что помимо индивидуальной души есть еще коллективная, имеющая множество вариаций: душа народа, нации, цивилизации. И при таких допущениях лучшие умы того или иного общества, занятые постижением коллективной сущности, рано или поздно начинали заниматься конструированием этнократических мифов. И в их создании принимали участие, среди прочих гуманитариев, философы.

Философия для цивилизации все еще не только необходимый элемент, но и форма, в которой она находит свое существенное выражение. Понимание сути философских проблем варьируется не только у различных народов, но и внутри каждого из сообществ. В зависимости от «духа времени», эпохи, происходят перемены в определении целей философии, и все эти изменения фиксируются ее историей. Главное, что требуется от философии независимо от времени и места, – разрешение мировоззренческих проблем в принятых той или иной культурой приемах объяснения, гарантирующего хотя бы приблизительное, но понимание сути происходящего, смысла прошлого и видения будущего. А потому, хотя проблемы остаются неизменными, приемы и терминология находятся в процессе постоянного обновления. Такие проблемы, как «в чем смысл жизни?», «откуда все произошло?», «что значит знать?» и тому подобные, передаются от поколения к поколению, словно проверяя интеллект наследников на умение приспособливаться к вечному, неизбежному, на способность жить в ситуации условно решенных проблем. И всякий раз жить приходится так, как если бы важнейшие проблемы были действительно решаемы. Применительно к своему времени потомки своеобразно решают ту проблему, с которой не менее оригинальным образом справлялись предки. Но накопление опыта, осуществляемое историей философии, несколько не облегчает решения проблем – задачи всё те же, возрастает точность их описания, но мы столь же далеки от всеведения, как и наши предки.

Как системообразующий элемент философия распространяется не только вширь (географически), но и вглубь цивилизации. Последнее проявляется в том, что время от времени среди интеллектуалов того или иного народа с особой остротой ставится такая задача, как постижение «коллективного

духа», «души народа», «разума рода». И в этом случае народ рассматривается не в своей конкретности (что является задачей этнографии и этнологии), а в своей умопостигаемой сущности, то есть спекулятивно. Философами постигается высшая идея нации, то есть в метафизических терминах воспроизводится то, что она «сама думает о себе»... Или то, что высший разум (Бог) думает о ней в вечности. И все это становится известно общественному сознанию посредством спекулятивных способностей тех мыслителей, которым кажется, что они конгениальны абсолютному разуму, Всевышнему и т.д. и т.п. Тогда-то и появляются нетрадиционные для чисто академической философии рассуждения о «национальной идее», «эйдосах нации».

В России из всего многообразия случаев последнего рода достаточно указать на некоторые произведения В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева, посвященные «идее России», или «русской идее». Последний, например, нисколько не сомневался в том, что его текст есть не что иное, как аутентичный рассказ о замыслах, имеющихся в Божественном разуме относительно русского народа. Оставаясь достаточно аморфными, маргинальными, рассуждения в этом роде становятся традицией, хотя далеко не всегда получают академический статус. Чтобы более четко определить подобного рода рассуждения, терминологически выделить этот вид «философствования», назовем его этнософией.

В то время как этнография описывает этносы, их генезис и культуру, а этнология исследует структуру их обычаев и традиций, этнософия претендует на выявление эйдосов национальной жизни. Термин «этнософия» придуман не мною, он использовался уже хотя бы евразийцами, как только речь зашла у них о необходимости наряду с чисто описательными научными действиями сформировать исследования, осмысляющие имеющийся у ряда наук их фактический материал¹. Но используя этот термин, я решаю другие задачи.

Под этнософией следует понимать «философию народа», основу которой составляют рассуждения о «сущности народа». Цель подобных рассуждений, как правило, составляет определение как преимуществ, так и недостатков народа (нации) в интеллектуальной сфере, составление коллективного психологического портрета, выявление роли во всемирной истории, значения, призвания, миссии. При этом мы не будем сейчас вдаваться в дискуссию относительно того, насколько научны эти суждения. Нам достаточно того, что такого рода суждения многочисленны, часты, систематичны, и этого достаточно для выделения их в особую группу. Изобилуя метафорами, рассуждения этого круга мыслителей направлены, тем не менее, на открытие «формулы» народа. А всякая формула в этой сфере есть способ конструирования индивидом коллективных представлений о самих себе и о других.

Этнософические мотивы можно найти в творчестве различных мыслителей с самых давних времен. Так, например, Аристотель в «Политике» (IV в. до н. э.) распределил племена на три категории. При делении он принимал во внимание интеллектуальные особенности, в формировании которых сыграли свою роль и климатические условия. 1) Племена, обитающие в странах с холодным климатом (в Европе), «преисполнены мужества, но недостаточно наделены умом и способностями к ремеслам». Поэтому хотя они могут долго сохранять свою свободу, все же «неспособны к государственной жизни и не могут господствовать над своими соседями». 2) Населяющие Азию «обладают умом и отличаются способностями к ремеслам, но им не хватает мужества; поэтому они живут в подчинении и рабском состоянии». 3) Эллинский же род, занимая

¹ «...Наряду с исследования историческими – исследования *историософские*, наряду с этнографическими – исследования *этнософские*, наряду с географическими – *геософские* и т.д.» (Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания, 1927) [12, с. 109].

как бы срединное место, объединяет в себе те и другие свойства: он обладает и мужественным характером, и умственными способностями; поэтому он сохраняет свою свободу, пользуется наилучшим государственным устройством и способен властвовать над всеми, если бы он только был объединен одним государственным строем» [1, с. 601].

Как понимают друг друга представители европейских народов? Исследования психологов показали, что представители всех народов в детстве способны одинаково хорошо понимать друг друга, однако по мере взросления человека ситуация меняется. Понимание между «выросшими» происходит с затруднениями, которые нынче принято разрешать посредством «диалога», формирования особой коммуникативной среды.

Народы взаимодействуют друг с другом в различных сферах, занимаясь торговлей, путешествуя, отдыхая, обучаясь, и даже воюя. Одним словом, между ними происходит постоянный культурный обмен. При этом обмен культурами не всегда симметричен: доминирующая, лидирующая, образцовая культура дает другой больше, чем получает. Для России в разное время образцами для подражания выступали различные представители европейской культуры: Франция, Англия, Германия... Изучая философию, французскую, немецкую или английскую, нередко одновременно хотели постигнуть не только «*софию*» или «*логию*» в виде различных направлений, но и дух народа, их сформировавший.

Философия, «импортированная» из той или иной культурной среды, часто интересовала воспринимающую сторону как путь не только к истине, но и к сердцу и уму народа. Существенное место в такого рода трансляциях отводится рассуждениям о национальных особенностях философии, поскольку на философию смотрят не только как на поиск истины, но и как на своеобразное проявление «духа народа». Всякого рода характеристики национального своеобразия философствующих народов можно отыскать у многих мыслителей, высказанных ими в различных текстах – от специальных разделов в трактатах до писем к частным лицам, включая дневниковые записи. Все это при желании легко фиксируется уже при изучении того материала, который дает традиционная история философии, с присущей ей источниковедческой базой, эмпирическим материалом.

Существует множество источников, составляющих эмпирическую базу, феноменологическую основу этнософии. Не имея перед собой цели именно здесь дать их полный перечень, ограничусь лишь иллюстрацией примеров некоторых из них. Простейший пример этнософии можно найти, например, у нашего поэта А.И. Полежаева, в его стихотворении, точнее, памфлете «Четыре нации»¹. Используя расхожие образы, он дает краткую характеристику англичанам, немцам, французам и русским, позволяющую не только точно обрисовать «лицо нации», но и выразить ее «душу», «идею». Начинается этот обзор с Англии, которую олицетворяет «лорд», который отважен и горд, властелин и верный сын страны, и носит меч, чтоб когти сечь... Затем на сцену выступают Германия и Франция, репрезентирующие их «немец» и «француз». Германец смел, но переспел в котле ума, он в колпаке, нос в табаке, сидеть готов хоть пять веков за кучей книг, и проклинать отца и мать за пару строк халдейских слов, которых толк понять не мог; а француз – дитя, и он шутя разрушит трон, издаст закон, самолюбив, нетерпелив, и быстр, как взор, и пуст, как вздор, он смел и слаб, и царь и раб, и насмешит, и удивит... [5, с. 9–13; 6, с. 439–447]. Пройдет десять лет, и появится еще один этнософический портрет, столь же лестный для Европы, но нелюбимый для России, – в «Философических письмах» П.Я. Чаадаева.

Затем можно отметить «Пушкинскую речь» Достоевского, «Русскую идею» В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, где мы найдем суждения и ком-

¹ 1827 год. По другой версии этот памфлет имел название «Четыре народа».

плиментарного характера. Попытки составления коллективных портретов мы обнаруживаем в самых разных местах, по разным поводам. Так, например, в 1920 году стараниями членов Калужского общества изучения природы и местного края тиражом 300 экземпляров издается научно-фантастическая повесть Циолковского «Вне Земли». В этом произведении, над которым Циолковский начал работать в 1916 году, описан полет с Земли на Луну. Но нас интересует не маршрут и детали полета, а экипаж корабля – очередной коллективный портрет народов мира, запечатление «духов» народов. Этот экипаж, снаряженный в космический полет, состоял из очень характерных типажей, с говорящими фамилиями и национальными чертами поведения: Ньютон (Англия), Франклин (Америка), Гельмгольц (Германия), Галилей (Италия), Лаплас (Франция), Иванов (Россия). При этом Ньютон – наиболее философ и глубокий мыслитель-флегматик; Франклин – с оттенком практичности и религиозности; Гельмгольц сделал множество открытий в области физики, но был иногда до того рассеян, что забывал, где у него правая рука, и был скорее холериком; Галилей – восторженный астроном и страстный любитель искусств, хотя в душе и презирал почему-то эту свою страсть к изящному; Лаплас – по преимуществу математик, и Иванов – «большой фантазер, хотя и с огромными познаниями; он больше всех был мыслителем и чаще других возбуждал те странные вопросы, один из которых уже обсуждался в истекший день нашим обществом» [13, с. 66].

Наблюдения, например, над «мыслящим немцем» позволяют представителям других этносов говорить о «туманности немецких трактатов», «воспарениях немецкого разума в заоблачные высоты», «плаваньях по океану абстракции»... Собрав всевозможные сравнения, получаем в итоге, что чаще всего для этого используется «влага», «вода». Но это уже не просто вода, а «метафизическая» вода, – то есть «вода» как элемент философского «космоса», одно из первоначал. Зато француз тем же наблюдателям видится уже как «огонь» – представитель страны не только пылких любовников, но и «пламенных речей», «искрометных афоризмов», сверкающего, «подобно молнии», остроумия и т.п.). Образ огня чаще всего провоцируется просветительской философией и пожаром революции. Англичанин, окруженный со всех сторон водой, тем не менее оказывается ближе в системе первоначал к «земле», чему обязан в немалой степени своим предпочтением эксперимента... Таким образом, выявляются как минимум три «элемента», если использовать древнюю натурфилософскую терминологию: «вода», «огонь», «земля». Ментальные особенности наций (умозрение, остроумное суждение, эксперимент) представляются элементами философского «космоса». Наряду с «натурфилософской» квази-квалификацией находим и систематизацию в формате «бестиария», как положительного (Россия – «медведь»; Британия – «лев»), так и уничижительного (француз – «лягушатник»; японец – «макака»).

Таким образом, уже в этой сфере оценочных суждений – составленной из разных источников, включая даже очень «серьезных» авторов – создается своего рода «натурфилософский» раздел этнософии. И хотя к этому нельзя относиться серьезно, то есть не стоит искать там тех же закономерностей, что и в периодической таблице Менделеева, тем не менее нельзя отрицать и определенную ценность такого рода характеристик, в составлении которых – сознательно или непроизвольно – участвовали, как правило, лучшие умы народа. Конечно, многое сегодня выглядит наивно. Однако мы должны выделить главное – потребность в составлении своеобразных «ментальных карт». Для нормального функционирования сообществ между собою им нужны карты не только политические, географические, но и ментальные.

Хотя этнософия в своем возможном облачении выступает как парафилософия, но иногда ее выводы в определенных ситуациях могут получать более

высокий статус, чем иные из распространенных рациональных схем. Говоря другими словами, пытаюсь объяснить ее роль без преувеличений и упрощений, можно подобрать следующее сравнение: этнософия – некая тень философии, но не потемнение рассудка, не мракобесие. Здесь мы наблюдаем как чистые формы работы сознания, так и образное проявление бессознательного в ситуации столкновения с иным мыслящим существом (народом, этносом). Несмотря на странность некоторых суждений философов одного народа о другом, в совокупности они все же являются ценным источником, эмпирической базой для такой формы знания, которую можно определить как – если не нравится термин «этнософия» – *философское страноведение*.

Критерием успеха в этнософическом жанре можно считать то состояние, когда автор говорит о нации в целом, и в этом коллективном портрете каждый узнает свое лицо. Но нередко в такого рода «портретах» хорошо узнаваемо лишь лицо автора, использующего всю совокупность фактов из истории страны как неиссякаемый источник для подтверждения реальности своих ретроспективных утопий и благочестивых проектов.

Я употребляю выражение «этнософические портреты»... В этнографии используется такое понятие, как «этнонимы» – названия, которые люди дают этническим общностям. Этноним (русский, немец, француз, англичанин) в свою очередь является простейшим проявлением этнического самосознания, подтверждением сложения этнической общности. Имея дело с этнонимом, мы не довольствуемся простым именем, но стремимся постичь суть всего им обозначаемого. При этом формированием этнонимов занимается не только сам этнос, но и те, кто соприкасается с ним. Помимо самообозначений, существуют и имена (а также и прозвища, клички – то, что принято называть нисходящими этнонимами), данные соседями. Национальное самосознание русского, немца, англичанина и француза формировалось не изолированно, а в соотношении себя с другими («мы» – «они»). Поскольку из всего многообразия соотношений мы выбираем преимущественно философскую сферу, то вместо привычных этнонимов получаем этнософические портреты. Перечень этнических наименований в этнософии несопоставим с аналогичным списком этнографа¹.

В российской этнософии используется лишь несколько этнонимов. Их чуть более десятка, поскольку они представляют лишь те народы, которые стали объектом философской (философической) рефлексии. А причиной этой рефлексии чаще всего было лишь тесное культурное сотрудничество вообще и философское в частности. Поэтому в этнософии задействованы прежде всего такие этнонимы, как «француз», «англичанин», «немец», «грек», «итальянец», «американец», «китаец», «индеец»... Опираясь готовыми этнонимами – уже данными именами народов, – этнософия со стороны интеллектуального сообщества видится попыткой передать сущность народа, выделить философскую составляющую его характера... Задача эта, безусловно, трудная. Настолько, что нисколько не гарантирует успеха, не приводит к той степени признания результатов, как это бывает у представителей опытных, прикладных наук. Так что не удивительно, если совокупность суждений философов прошлого относительно того или иного народа покажется кому-то скорее подобием мифа, чем формулой, которой стоит доверять при непосредственном взаимодействии с одной из частей человечества.

Существенное отличие мы найдем не только на уровне этнонимов, но и антропонимов². Философ, имея дело с другим народом, предпочитает строить

¹ Алфавитный перечень национальностей и языков для кодирования ответов на вопросы 7 и 9 форм К и Д и вопроса 6 формы В в переписных листах Всероссийской переписи населения 2002 года насчитывает полторы тысячи названий.

² Как имена, которые присваиваются людям официально, так и именованья прозвищного типа.

свои суждения, имея в качестве эмпирического материала своих же коллег по цеху. Постигая сущность «немца», русский философ чаще всего строит свои суждения, имея перед глазами образ Канта, Гегеля или иного философа. Но это уже не те Кант и Гегель, что представлены в чистой философии лишь как авторы идей. Это уже «Кант», «Гегель», выступающие индивидуализациями коллективного духа, персонифицирующие «немца». И потому в области этнософии свои специфические антропонины. И не все из них положительные. Так, например, Гегель здесь предстает не просто «Гегелем», а как нечто выражающее «типично немецкое» в философии, а потому он получает дополнительные имена и ряд именований прозвищного типа: «Егор Федорович», «немецкий клоп», «философ-контрабандист», «философ-чиновник» и т.д., а его философия – «идеалистическая хлыстовщина», «чичиковщина» и т.п.; Кант – «головной философ», «мещанская философия», «немецкая пародия на платонизм», «психология начинающейся старости», «философия галлюцинирующего невротика»...

Потребность в обобщении при взаимодействии с конкретным проявлением «иногo» не довольствуется только одним этносом. Например, нам приходится иметь дело и с таким типом, как «европеец». В России с давних времен появлялись поводы поговорить и о «европейце», и о «европеизме», «Европе», используя эти категории как средства культурной ориентации и самоидентификации. При этом рассуждающие о «Европе» как типе культуры, геополитическом субъекте, исходят из убеждения, что существуют как врожденные, так и благоприобретенные относительно устойчивые свойства, которые выступают причиной поведения человека, обозначаемого как «европеец», обладающий своеобразной «физиономией» и «душой».

Иные заключения делались как бы мимоходом, какие-то – на волне вдохновения, вызванного удачно складывающимся заграничным отдыхом, другие же появлялись в результате систематического изучения положения вещей и образа мыслей, существующего в том месте, которое принято называть Европой. Так, Достоевский словами Версилова из романа «Подросток» (1875) подмечает одну культурную «странность», согласно которой «всякий француз может служить не только своей Франции, но даже и человечеству, единственно под тем лишь условием, что останется наиболее французом; равно – англичанин и немец. Один лишь русский, даже в наше время, то есть гораздо еще раньше, чем будет подведен всеобщий итог, получил уже способность становиться наиболее русским именно лишь тогда, когда он наиболее европеец». А один из персонажей «Трех разговоров» В.С. Соловьева – Политик – замечает в одном из диалогов, что «на самом же деле мы бесповоротные европейцы, только с азиатским осадком на дне души» [11, с. 696–697]. Для него это даже «грамматически ясно». Что такое «русские» в грамматическом смысле? Имя прилагательное, а существительное к такому прилагательному есть «европеец», и потому мы есть «русские европейцы», в то время как есть европейцы английские, французские, немецкие. Он также убежден, что наступает эпоха распространения европейской культуры и все должны стать европейцами, понятие европейца должно совпасть с понятием человека, и понятие европейского культурного мира – с понятием человечества, и в этом и заключается смысл истории. Ну а Чаадаев, к примеру, полагает необходимым говорить о «европейском лице», отмечая в первом «Философическом письме» (1836), что «народы Европы имеют общее лицо, семейное сходство. Несмотря на их разделение на ветви латинскую и тевтонскую, на южан и северян, существует общая связь, соединяющая их всех в одно целое, явная для всякого, кто углубится в их общую историю».

Примечательно, что когда Соловьев защищал свою магистерскую диссертацию «Кризис западной философии (против позитивистов)» (1874), это событие дало возможность А.С. Суворину отметить и негативное отношение

к Европе. Под псевдонимом «Неизвестный» он сообщал читателям «Санкт-Петербургских ведомостей» о своем желании, чтобы сын известного историка положил основание новой философской школе, русской, поскольку на Европу надежды нет – она «давно гниет», находится в кризисе, а потому в самом заглавии магистерской диссертации Соловьева он усматривает как бы указательный перст «На Восток», туда, где наше спасение. Поскольку все приходит к своему началу, то и мы, «выйдя с Востока, нагулявшись на Западе, вновь возвращаемся к своему источнику» [10].

Выражение «гнилой Запад» стало популярным в русской среде благодаря Белинскому, который употребил это словосочетание в порядке иронии над взглядами своего идейного противника – историка русской литературы и публициста славянофильского толка, профессора Московского университета Степана Петровича Шевырева. Хотя напрямую это выражение сам Шевырев никогда и нигде не употреблял, он очень много говорил о «нездоровье» Запада, так что один из знакомых М.П. Погодина, редактора и издателя журнала «Москвитянин», где часто публиковался Шевырев, даже написал ему (1844): «Сделай милость, уйми ты Шевырева, он помешан на гниющем Западе» [2, с. 259]. Впервые этот тезис появляется у Шевырева в статье «Взгляд русского на образование Европы», опубликованной в первом номере журнала «Москвитянин» за 1841 год, где он пишет: «В наших искренних дружеских тесных сношениях с Западом мы не примечаем, что имеем дело как будто с человеком, носящим в себе злой, заразительный недуг, окруженным атмосферою опасного дыхания. Мы целуемся с ним, обнимаемся, делим трапезу мысли, пьем чашу чувства... и не замечаем скрытого яда в беспечном общении нашем, не чуем в потехе пира будущего трупа, которым он уже пахнет».

Белинский вступил в полемику с Шевыревым в статье «Сочинения В.Ф. Одоевского», отвергая «мысль о нравственном гниении Запада», а в разборе повести В.А. Соллогуба «Тарантас» (1845) Белинский, заочно полемизируя с Шевыревым, впервые формулирует это выражение – «гнилой Запад», которое впоследствии будет восприниматься как выражение, рожденное в среде славянофилов. Впоследствии это выражение будут использовать и М.Е. Салтыков-Щедрин, и И.С. Тургенев, который вложит в уста героя романа «Дым» (1868) «западника» Потугина следующие слова (гл. 5): «Сойдется десять русских, мгновенно возникает вопрос... о значении, о будущности России... Ну и конечно, тут же достанется и гнилому Западу...». И не удивительно, что Н.Я. Данилевский в научном сочинении «Россия и Европа» посвятит этому специальную главу (VII), вынеся в ее заголовок вопрос «Гниет ли Запад?». «Сама мысль, высказанная славянофилами о гниении Запада, – признается он, – кажется мне совершенно верною, только выразилась она в жару борьбы и спора слишком резко и потому с некоторым преувеличением». Ему вторит и К.Н. Леонтьев, написавший в статье «Сочувствие и содействие», что «...если славянофилы были правы, воскликнув: “Запад гниет”, то гниет он, без сомнения – главным образом оттого, что в нем везде (даже в Англии и Германии) слишком много стало этого равенства и этой свободы, ведущих в высшей степени вредному, однообразию воспитания и потребностей» [8, с. 440].

Особого внимания заслуживает его статья «Византизм и славянство», написанная в 1873 году, где он высказал догадку о грядущем слиянии Европы в единое сообщество, предположив, что «романо-германские государства могут слиться со временем в одну рабочую федеративную республику»... Теперь это – не проект, как во времена Леонтьева, а реальный европейский союз, Единая Европа. Каким же будет ее обитатель – новый европеец? Образ представителя европейского сообщества у Леонтьева выражается двумя словами – «европейский буржуа». В понимании Леонтьева это «нечто среднее»: «ни мужик, ни ба-

рин, ни воин, ни жрец, ни бретонец или баск, ни тиронец или черкес, ни маркиза в бархате и перьях». Это некий «средний тип»... Он «менее эстетичен, менее выразителен, менее прекрасен, менее героичен, чем типы более сложные или более односторонне крайние». Европейец нового типа – средний человек. А это означает также, что он по сути своей – скучен и посредствен.

И что же (про)являет собою тип европейца в понимании Леонтьева? Ничего хорошего в этом типе – увеличивающемся в количестве – Леонтьев не видел, поскольку увеличение подобного типа людей можно сравнить с появлением трупных пятен на организме. А они, как правило, свидетельствуют о наступившей смерти. Глядя на «европейца», Леонтьев признавал правоту слов ранних славянофилов, говоривших, что «Запад / Европа гниет». Не только в самом выражении лица «европейца», в образе его поведения и мышления, но и в способе существования Европы как культурного организма нет ничего хорошего. Здесь уже очевиден процесс «вторичного смешения», ведущего к однообразию; однообразию принимает массовый характер (однообразие лиц, учреждений, мод, городов и вообще культурных идеалов и форм, сводящее всех и все к одному весьма простому, среднему, так называемому «буржуазному» типу западного европейца); и это смешение однообразных составных частей ведет не к солидарности, а к разрушению и смерти целого, организма, культуры. Так что тип «европейца», в версии Леонтьева, являет собою всего лишь способ разложения, тихое приближение смерти. И кому захочется после этого быть европейцем?

Метафора «гниения Европы» будет рефреном для значительной части российских мыслителей, довольствующихся также и образом «заката», «сумерек». Последнее было использовано Н.А. Бердяевым в работе «Смысл истории» (1922), где, отмечая вступление «в ночь нового средневековья», «в ночную эпоху истории» и пророчествуя о «новом смещении рас и культурных типов», он замечает также, что «наступают сумерки Европы» [3, с. 138–139]. А задолго до этого он сообщал и о конце Европы, в соответствующей статье – «Конец Европы» («Судьба России», 1918): «Могущественнейшее чувство, вызванное мировой войной, можно выразить так: конец Европы, как монополиста культуры, как замкнутой провинции земного шара, претендующей быть вселенной» [4, с. 326]. А после Второй мировой войны Бердяев отметит, что центр тяжести Западной Европы, по всей вероятности, сместится на Запад, в Америку, и что Европа «перестает быть центром мировой истории, единственной носительницей высшей культуры» [4, с. 331].

Идея то «бегства» от Европы, то «возвращения» пронизывала все области национальной жизни, становясь категорией политического, социального, культурного и нравственного порядка. Сегодня несколько иная ситуация, в значительной части отличная от той, в которой находились Данилевский, Леонтьев, Бердяев да и другие российские мыслители, составлявшие в своем сознании образы Европы и европейца. В наше время мы соседствуем уже с объединенной Европой. Мы имеем дело не с прогнозом, а с реальностью. И эта новая реальность требует анализа. Ведь и Советский Союз когда-то был новой реальностью, и многие верили в его незыблемость... И жил там «советский человек», веривший в свою вечность посредством коммунистической идеи.

Какие страны и по каким основаниям считать Европой? Как выстраивать отношения с Западной, Центральной и Восточной Европой, и можно ли нам, не входящим ныне в Европейский Союз, рассуждать о своей европейской идентичности? В политическом контексте «Европа» обозначает государственные и военно-политические образования, находящиеся на определенной территории, и в зависимости от контекста под имя «Европа» попадают то все европейские страны, то государства Западной Европы, или Европейский Союз.

На территории объединенной Европы исчезли из повседневного обращения национальные валюты. Они теперь – достояние нумизматов. Вместо прежних национальных валют – общее средство платежа «евро». Окажется ли Единая Европа «плавильным котлом» для наций, как евро для валют? Курс евро пока стабилен, дизайн проработан. Но образ нового европейца пока не имеет четких контуров и явного смысла. Каковы его перспективы? И среди обывателей, и внутри научного сообщества сегодня можно найти много смутных ощущений, дурных предчувствий, абстрактных схем.

Может ли Россия быть образцом для Европы? Такая постановка вопроса многими воспринимается как дерзость. Нам говорят – не стоит мучиться, сами учитесь! Чему мы можем научить Европу? Ваша участь – поставлять энергоресурсы, а не формировать смыслы! Как только речь заходит о ценностях, которые можно распространить за пределы России, оппоненты в лучшем случае пребывают в состоянии иронии, но чаще всего – агрессии. Стандартная реакция с их стороны: какие у вас ценности, если вы не в состоянии усвоить уроки демократии!

Человек неосознанно предпочитает делить людей на «своих» и «чужих», причем «своих» он узнает гораздо лучше, чем «чужаков». Деление проводится не только на расовой, но и на иной основе – принадлежности к определенной социальной группе, общему месту проживания, наличию общих увлечений и прочее. Но далеко не всегда свои – хорошие, а чужие – плохие. И среди нашего сообщества незначительная его часть испытывает антипатию к своим, и влечение к чужим, ими все европейское маркируется как «отличное», а все отечественное обладает отрицательным качеством.

Также отметим, что либеральная модель ориентирована на универсальные схемы, наднациональные образы, а консервативная тяготеет к локальным, местным, национальным образам. Последняя являет собою здоровый, конструктивный национализм, где органичная связка «мы и они», в то время как в либеральной модели преобладают «мы как они», желание и даже долженствование раствориться в «они». Либеральный россиянин хочет непременно превратиться во француза, немца, европейца и свою жизнь готов положить на то, чтобы достичь успеха в подражательности, желая избавиться от данной идентичности, перейти в иное, которое имеет для него исключительно позитивное значение. Для него вдруг почему-то мучительно стыдно стало быть «русским», «россиянином», и он вожделеет стать европейцем.

Вопрос об отношениях с Европой и в прошлом и в настоящем связан с проблематикой российской идентичности. Выявляя место, которое Россия занимает в современных процессах, важно учитывать как реалии, так и культурно-психологическую мотивацию участников взаимодействия, эмоции, стереотипы, смысловые ассоциации, сопоставлять складывающийся в массовом сознании образ Европы с тем, что формируют в этом отношении интеллектуалы, как сегодня, так и в прошлом. И они, безусловно, не свободны от конъюнктуры, ангажированы, однако сопоставление текстов, произведенных в разные эпохи и годы, позволяет выявлять инварианты, представляемые схожими метафорами, модифицируемые политическими событиями, но обусловленные глубинными процессами. Эти философские тексты, этнически центрированные, не только показывают нам историю поиска ценностей и ориентиров, но и снабжают необходимым материалом наших современников, дают ценный материал для актуальной политики, для конструктивной пропаганды и информационной войны.

Всякий раз, создавая чей-либо «портрет», мы одновременно проявляем отчасти и самих себя. Так что, знакомясь с образами европейских наций в русском сознании, те же европейцы лучше узнают и образ наших мыслей, наши проекции, узнают и ту «физиономию», за которой укрывается – принимая облик

то «маски», то «лика», то «лица», в зависимости от ситуации – дух и душа россиянина. И чаще всего о нем можно сказать, что он желает жить одним большим и дружным «семейством», в миролюбивом соседстве с другими народами.

Контуры Европы меняются, вновь актуализируется план Большой Европы от Лиссабона до Владивостока. Набирает силу и Евразийский проект, где имеет место свое предствление о европейской составляющей. Кто и как сформирует образ «европейца» и в самой Европе, и в мире? Хотелось бы этого или нет членам Европейского Союза, но и Россия примет в этом участие. И не потому, что ей до всего есть дело, а потому, что нам нужна не только определенность в представлении «инога», всего того, что рядом и по соседству, а и уверенность. Но это чувство – уверенности – приходит лишь тогда, когда мы сами создаем портрет, а не довольствуемся предложенным нам со стороны образом. Ведь тот «образ» со стороны может оказаться всего лишь симулякром – изображением без оригинала, репрезентацией чего-то, что на самом деле не существует.

Литература

1. *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. М., 1984. Т. 4.
2. *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. VIII. СПб., 1894.
3. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М., 1990.
4. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Судьба России. М., 1997.
5. *Бобров Е.А.* Мелочи из истории русской литературы. Тетрадь 3. Варшава, 1908. С. 9–13.
6. *Бобров Е.А.* Из истории русской литературы XVIII и XIX столетий: (Рузаевский список «Четырех наций» А.И. Полежаева. О стихотворениях, приписываемых А.И. Полежаеву) // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. 1906. Т. XII. Вып. 3. Кн. 2. С. 439–458.
7. История философии архимандрита Гавриила. Ч. VI. Прибавление второе. Русская философия. Казань: Университетская типография, 1840.
8. *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и славянство. М., 1996.
9. *Надеждин Н.И.* Европеизм и народность в отношении к русской словесности // Телескоп. 1836. № 1. С. 259–260.
10. Недельные очерки и картинки // С.-Петербургские ведомости. 1874. 1 декабря.
11. *Соловьев В.С.* Сочинения: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 696–697.
12. *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М., 1995.
13. *Циолковский К.Э.* Грезы о земле и небе. Тула, 1986.

Аннотация. Автор обращается к той части философского наследия, где российские мыслители рассуждают о национальных свойствах и качествах, о ментальных особенностях европейских народов, рассуждают о собирательном образе Европы, ее позитивных и негативных свойствах. Таким образом удается обозначить материал, который не только в прошлом, но и в настоящем влияет на формирование образов «иного», и показать роль интеллектуалов в создании стереотипов, принимаемых массовым сознанием, для которого они выступают как «формулы», объясняющие поведение оппонента.

Ключевые слова: этнософия, этнология, этнография, нация, ментальность, национальный образ, стереотип, коллективная душа, психология, мифология, философия, регионоведение, страноведение, геополитика, Европа, идентичность, самопознание

Vasily Vanchugov, Ph.D. in History; Professor, Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Deputy Editor-in-Chief, The Russian Idea (politconservatism.ru). E-mail: vanchugov@gmail.com

The Image of Europe in Ethnosophical Portraits by Russian Philosophers

Abstract. The author refers to the part of the philosophical legacy in which Russian philosophers dwell on national characteristics and qualities, on perception peculiarities of European peoples, on collective European identity and its positive and negative attributes. Thus, the author manages to highlight information which affects the images of “otherness” nowadays as well as it did in the past, and to bring to the fore the role of intellectuals in creating stereotypes, adopted by the masses, which use them as a “formula” to account for the behavior of the opponent.

Keywords: Ethnosophy, Ethnology, Ethnography, Nation, Mentality, National Image, Stereotype, Collective Soul, Psychology, Mythology, Philosophy, Regional Studies, Country Study, Regional Geography, Geopolitics, Europe, Identity, Self-Knowledge.